

РАБЫ-ПАСТУХИ ДРЕВНЕЙ ИТАЛИИ

М. Е. Сергеенко

Рабство, определившее в огромной мере экономический и социальный строй античного мира и придавшее этому строю черты исключительного своеобразия, давно привлекало к себе внимание исследователей. Нет ни одного труда по истории античного мира, где был бы обойден вопрос о рабах. Следует прежде всего назвать хотя и несколько устаревшую, но и до сих пор не утратившую своего значения книгу Валлона¹. Необходимым дополнением к ней являются статьи Вестермана², Боше и Шапо³. Особенно важна статья Вестерма-

---

¹ H. Wallon. L'esclavage dans l'antiquité. Paris. 1879 (2-й том трактует о рабстве в Италии). Есть русский перевод.

² Real-Encyclopedie der Classischen Altertumswissenschaft. Supplementband VI 894—1067 Sklaverei. Stuttgart. 1935.

³ Daremberg-Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. Servi. Paris. 1909.

на. Если с его взглядами и выводами нельзя согласиться, то количество материала, собранного им, удачная систематизация, часто тонкий анализ фактов и обширная библиография делают эту статью необходимой для каждого, кто приступает к изучению античного рабства. Особого упоминания заслуживает книга Барроу⁴, богатая по материалу и интересная по его истолкованию.

Работы западных ученых, посвященные античному рабству, рассматривают рабов как определенную экономическую силу, как один из важнейших факторов в хозяйственной жизни страны. Источники рабства, рынки рабов, цены на них, сфера деятельности рабов, использование рабов в сельском хозяйстве и промышленности,

---

⁴ Barrow. Slavery in the Roman Empire. Oxford. 1928.

переход от рабства к колонату — все эти вопросы подвергались рассмотрению и были предметом исследования. Однако внутренний облик раба или совершенно не обращал на себя внимания⁵ или характеризовался суммарно, в общих чертах и главным образом под углом отношений к хозяину⁶. Рабы рассматривались как единое целое сословие, между тем как их следует, безусловно, рассматривать по отдельным категориям: между жизнью привратника, ученого секретаря или врача лежала, конечно, целая пропасть. Советские ученые интересовались главным образом восстаниями рабов (А. Мишулин, С. Ковалев), но рабы были не только бунтарями и мятежниками; признавая опромную роль рабов в хозяйственной жизни древних, мы должны рассматривать их работу дифференцированно: различным было поле деятельности садовника, ремесленника и пастуха, различны условия их жизни, и под влиянием этих условий по-разному складывался духовный облик рабов.

Материал по этому вопросу имеется в неодинаковом количестве: о вилике, например, можно на основании литературных данных, надписей и кое-какого археологического материала написать довольно подробный очерк; страницы «Естественной истории» Плиния, посвященные фруктовым садам древней Италии, позволяют нам представить себе, чем были рабы-садовники; о рабах-пахарях мы не располагаем никакими данными, кроме нескольких слов, вскользь брошенных Катон⁷. Кое-какие сведения можно собрать о пастухах, занимавшихся совершенно особое место среди рабов. Они должны были резко выделяться из всей семьи рабов — и по внешнему виду и по внутреннему складу. Рабы, работавшие в усадьбе и на ее землях, были прикованы к месту, куда их забросила по расчету или просто из каприза хозяйская воля. Для пахаря, садовника и виноградаря мир был заслонен хутором, где он жил, и тем участком земли, на котором он работал. За пределами этого хутора начинался мир, почти такой же далекий и недоступный, как сказочное тридцатое царство. Сазерна, который мно-

го думал о наиболее рациональном использовании силы рабов, советовал хозяину не разрешать отлучаться из имения никому, кроме вилика, ключника и какого-нибудь раба по выбору вилика. Варрон предложил сделать этот распорядок более гибким: вилик мог послать за пределы имения любого, кто ему вздумается; самому же вилику разрешалось отлучиться без ведома хозяина только на очень короткий срок⁸. Прикрепленные к одному и тому же месту, изо дня в день общаясь с одними и теми же людьми, с раннего утра и до позднего вечера занятые работой, втиснутые в рамки жизненного уклада, в котором один день был похож на другой, «говорящие орудия» италийских усадеб с роковой неизбежностью тупели и грубели.

Система непрерывного надзора и соглядатайства, сознательно насаждаемая хозяином в имении, атмосфера взаимного недоверия и соперничества⁹, сознание своей беспомощности и полной зависимости от произвола хозяина и его ставленников, тоже рабов, часто еще более жестоких, чем сам хозяин, все это неуклонно подтачивало нравственные силы рабов и заставляло их забывать о своем человеческом достоинстве. Еврипид не без основания произнес свои страшные слова: «Раб теряет половину души». Надо было обладать почти нечеловеческой внутренней силой, чтобы среди этого беспросветного существования не утратить вовсе творческой энергии, вложить ее в повседневную работу и создать такие чудеса, какие создавали, например, рабы-садовники в усадьбах и парках своих хозяев; чтобы верить в возможность освобождения и трудиться ради него, выбиваясь из сил на чужой работе; чтобы, будучи игрушкой чужой воли, «вопреки надежде, надеяться» на утверждение собственной. Большинство рабов довольно скоро погружалось в равнодушную безнадежность; трудно было ожидать от этих людей, чтобы они хорошо работали и доброжелательно относились к своим господам, чья воля отняла у них все, чем прекрасна жизнь. Италийские хозяева и не обольщались на этот счет: нас достаточно убеждают в этом и жалобы на работу рабов, рассеянные в сочинениях писателей-агрономов, и дисциплина, в которой держали рабов и которая сводилась, в конечном счете, к мерам предосторожности

⁵ См. H. Gummerus. Der Gutsbetrieb bei Cato, Varro, Columella. Klio 1906 или статью St. Gsell. Esclaves ruraux dans l'Afrique romaine Mélanges glotz I 397... Paris, 1932.

⁶ H. Wallon. Указ. соч. Т. II, стр. 255.

⁷ Cato de agricult. 5.6.

⁸ Varro r.r. I. 16. 5—6.

⁹ Columella. I. 6. 6—8.

против раба — недаром же сложилась поговорка: «Сколько рабов, столько врагов»¹⁰.

Среди этих пасынков судьбы резко выделяется группа пастухов, самой жизнью поставленная в совершенно иные условия существования (я имею в виду только пастухов, которые сопровождали стада, а не пасли скот при доме: эту обязанность возлагали обычно на подростков — мальчиков и девочек)¹¹.

Итальянское скотоводство крупного масштаба было пастбишным, перегонным. Эту систему скотоводства подсказывала сама природа страны, позволявшая скоту круглый год находиться под открытым небом, но только в разных местах. Равнинные пастбища Южной Италии, где летом трава совершенно выгорала, зимой давали превосходный корм; на горных пастбищах Брутии и Центральной Италии скот летом находил пищу и приют от душливого зноя. Огромные отары овец ежегодно совершали регулярные путешествия из Калабрии в Брутий и из Апулии в Самний или даже в Сабинские предгорья. Крупный рогатый скот из Розейской долины проводил лето обычно тоже в горах. Летние и зимние пастбища часто отстояли одно от другого на весьма значительном расстоянии. Варрон с присущей ему свежестью и живостью воображения сравнивал их с корзинками, висящими по концам коромысла-дороги, которая их соединяла¹². Перейти с зимнего пастбища на летнее значило совершить медленное путешествие через добрую половину страны: оно было богато встречами и впечатлениями.

Чужой край, куда злая судьба забросила раба-пастуха, не отождествлялся для него, как для раба-сахаря, с одним именем; перед пастухом расстилалась Италия в богатом многообразии своего рельефа, климата и природы. Он знакомился со страной медленно, в подробностях, как можно ознакомиться только при путешествии пешком, и если это был человек, одаренный живым и любознательным умом, то у него складывался богатый запас сведений, впечатлений и наблюдений, расширявший его умственный горизонт и обогащавший его опытом, разнообразным и разнообразным. Рабу-пастуху приходилось общаться с самыми различными людьми: тут были и свои братья-

пастухи, гнавшие стада других хозяев, и крестьяне деревень и хуторов, мимо которых пролегалла дорога, и рабы из соседних имений, и служащие откупщиков государственных пастбищ, и путешественники, и прохожие. Иногда это бывала и шайка разбойников, от которых приходилось отбиваться с оружием в руках. Когда пастухи приходили на место, для них начиналась обычная однообразная жизнь в глуши далеко затерянного пастбища. Но это однообразие не походило на монотонную жизнь в усадьбе: пастух был самостоятелен, предоставлен своим силам, сметке, догадливости, знаниям, своему мужеству. Изю дня в день стоял он лицом к лицу с природой, то ласковой, то гневной, и каждый день задавала она ему новые задачи, решать которые пастух должен был, рассчитывая только на себя, на свои силы и умение.

Человек, который не побоялся вырвать овцу из страшной волчьей пасти, усмирить взбесившегося жеребца и сумел найти травы и лекарства, спасшие от гибели целое стадо, — такой человек, конечно, должен был знать себе цену: он внутренне распрямлялся. Как же могло ужиться это гордое самосознание со званием и судьбой раба? Не удивительно, что такой человек чаще других вставал на путь открытого возмущения, сбрасывал надетое на него ярмо и превращался в неистового мстителя, жестоко расправлявшегося со своими обидчиками.

Пастухи были деятельными участниками самых крупных восстаний рабов, иногда их организаторами и зачинщиками. Ливий под 185 г. рассказывает о «великом рабском волнении» в Апулии, когда пастухи своими разбоями сделали дороги и общественные пастбища недоступными. В первом сицилийском восстании ведущая роль принадлежала пастухам; один из вождей этого восстания, Клеон-киликонец, сам был пастухом-табунщиком¹³. К Спартаку сразу же присоединилось много пастухов¹⁴. Антоний, будущий коллега Цицерона по консульству, во время предвыборной агитации грозил, что с помощью своих пастухов он поднимет восстание¹⁵. Восстание калабрийских пастухов при Тиберии наполнило ужасом властителей Рима¹⁶. Пастушья среда порождала благоприятную

¹⁰ См., например, Col. I. 7. 6—7; 8. 15—19; 9; Varro r.r. I. 17. 5—7. Pl. h.n. XVIII. 21, 36; Sen. eplst. 47. 3.

¹¹ Varro r.r. II. 10.1.

¹² Там же, I. 16—17; 2.9; 5.11.

¹³ Diod. XXXIV. 43.

¹⁴ Plut. Crass. 9.

¹⁵ Cic. in toga cand. 7.

¹⁶ Tac. Ann. IV. 27.

почву для восстаний. Ряд обстоятельств выделял пастухов из остального населения: во-первых, эти люди были физически сильны; слабый здоровьем человек не годился для их суровой жизни, требовавшей длительных переходов, лазания по горам, ношения тяжестей, быстрого бега. Постоянная жизнь на вольном воздухе, периоды длительного отдыха, пища, более питательная, чем у рабов, живших в усадьбе,— все это еще более укрепляло пастухов, делало их сильнее и здоровее¹⁷ и выгодно отличало от работников имения, надорванных и искалеченных постоянной однообразной работой. Пастухи были вооружены, так как без оружия они не могли защитить стадо от дикого зверя и грозного человека¹⁸. Стада охраняли собаки — огромные, сильные животные, готовые по первому знаку хозяина растерзать всякого¹⁹. Пастухи представляли собой крепко сплоченную среду: испытанное правило рабовладельческой усадьбы — всеми силами поддерживать рознь среди рабов — здесь было неосуществимо: затерянные в горной и лесной глуши, пастухи, прикрепленные к определенному стаду, должны были жить в добром согласии и полной готовности, чтобы в случае нужды прийти на помощь друг другу. Интересы самого хозяина требовали такой сплоченности. А так как кругом паслись и другие стада, и все пастухи вели одинаковую жизнь, с одинаковыми печальями и радостями, трудами и опасностями, и некому было сознательно стравливать пастухов между собой, то единение между ними, естественно, выходило за пределы одной семьи рабов: все пастухи одной округи начинали чувствовать себя членами одной большой семьи. При огромных масштабах италийского скотоводства число пастухов оказывалось очень большим. Ливий²⁰, не любивший преувеличенных цифр, сообщает, что претор осудил семь тысяч участников восстания и что многим удалось бежать. Если предположить, что всего восставших было десять тысяч, то и тогда для одного округа цифра полу-

чалась внушительная. И если рабы вообще задавали трудные задачи своим хозяевам, то задача, предложенная пастухами, принадлежала к числу самых сложных. До известной степени она была разрешена: крупное пастбищное скотоводство в Италии не прекращалось ни при республике, ни при империи.

Италийский рабовладелец давно думал над тем, как повысить производительность труда раба и расположить его к себе. Установленный Катонем у себя в имении режим жизни раба, сводившийся к работе, сну и еде, оказался несостоятельным. Варрон уже догадался, что раб — нечто большее, чем рабочая скотина, которую надо только держать в тепле и сытости, чтобы она хорошо работала. Надо было заинтересовать раба в работе и создать для него некое подобие человеческой жизни. Колумелла предписывал ряд мер, направленных именно к этому²¹. И если все это оказывалось нужным по отношению к рабу, жившему в усадьбе под неослабным надзором, то как надо было вести себя с пастухом, которому вверялось целое состояние, и при этом почти бесконтрольно, который уходил за тысячи километров от дома, представляя собой, как мы видели, фигуру, гораздо более грозную, чем усадебный раб.

Право иметь семью и собственность, которая в имении давалась в качестве награды и поощрения наиболее усердным и старательным рабам, безусловно признавалось за всеми пастухами. Хозяин верно рассчитывал, что семья свяжет пастуха и прикрепит его к месту. Женщины сопровождали мужей в их странствованиях, налаживали на становище несложное хозяйство, помогали в уходе за стадом и готовили пищу²². Жизнь оказывалась для пастуха неожиданно щедрой: расстояние, отделявшее его от усадьбы, уединенность и часто дикость того места, где протекала его жизнь, защищали его от хозяйского произвола; пастух был избавлен от постоянной тревоги, что его подругу или детей отберут по первой прихоти. У Плавта в Прологе к *Casin'e* сохранилось чрезвычайно любопытное указание на то, что в Апулии пастухи праздновали настоящие свадьбы; это обстоятельство свидетельствовало о том, что они считали свои союзы прочными. Больше, чем кто-либо в среде

¹⁷ Diod. XXXIV. 28—30. Характеристика Диодора относится к сицилийским пастухам, но мы имеем полное право перенести ее и на италийских пастухов, так как условия их пастушеской жизни были одинаковы. См. V. г.г. II. 10.3.

¹⁸ Diod. loc. cit. и еще Cic. in Verr. V.3.7; Varro g.r. II. 10.1.

¹⁹ О пастушьих собаках: V. г.г. II.9; Col. VII. 12.

²⁰ Liv. XXXIX. 29.

²¹ Plut. Cato maior. 21; V. г.г. I. 17.5—7; Col. 1.8. 15—19.

²² V.г.г. II. 1.26; 10.6—7.

рабов, пастух ощущал прелесть домашнего очага: «наскоро сложенная хижина»²³ была для него по-настоящему своим домом. Хозяин давал рабу как награду право на некое подобие собственности; пастуху дарили овец или телят²⁴. Как бы мало ни было их количество, пастух, конечно, получал от них определенную прибыль (шерсть, кожа), а при полной невозможности установить идеальный контроль, например, за количеством шерсти, получаемой при стрижке огромного стада, пастуху всегда удавалось увеличить свой доход за счет хозяина. Наличие собственных денег сулило пастуху в будущем, и притом не очень далеко, свободу, и эта надежда гарантировала хозяину более или менее старательную службу со стороны пастуха.

Попробуем представить себе жизнь, которую вел пастух. После долгого и утомительного путешествия со всякими дорожными приключениями пастух пригонял скот на отведенное для него место. Разбивали лагерь: устраивали загон для скота и несколько шалашей или избушек, где можно было укрыться от непогоды и куда убирали привезенные продовольствие, хозяйственную утварь и походную аптеку с медикаментами для людей и животных, которую обязательно везли при каждом стаде. О том, чтобы регламентировать жизнь пастуха так, как жизнь рабов в имении, не могло быть и речи: единственное, что предписывал им хозяин (и неизвестно еще, как это выполнялось), — это пасти стадо всем вместе, вечером собираться вместе на ужин и ночевать при стаде²⁵. Стадо, особенно если это были овцы или коровы, не занимало у пастуха целиком всего времени, он мог заполнять свой досуг, чем хотел: ручной работой, песней, наблюдениями и размышлениями. Об этой внутренней жизни, развертывавшейся на просторе и без стеснения, мы знаем очень мало. Пастухи умели играть на простых духовых инструментах; об этом сообщают нам такие точные авторы, как Варрон и Полибий²⁶. Старый Малх, с которым в отрочестве был знаком блаженный Иероним, рассказывал, как в бытность свою пастухом он стерег овец, распевая псалмы, вспоминая о прошлом, раздумывая над окружающими и своей судьбой. Нарисо-

ванная им картина муравьиной жизни, если она не очень подправлена блаженным Иеронимом, великолепна по выразительности подобранных деталей и единству всей композиции²⁷. Вергилий вложил в уста своих пастухов переводы и переделки из Феокрита; у настоящих пастухов был, конечно, запас своих песен, и, по всей вероятности, при внимательном изучении итальянского пастушеского фольклора, старого и современного, будет найден ряд несомненно античных мотивов.

Мозгом и душой пастушеского общества был старший пастух, «начальник стад» (*magister pecorum*). Будучи главой пастушеского отряда, он стоял к нему, однако, в отношениях совершенно иных, чем вилки к усадебным рабам. Этот последний, добившись власти, обычно уже не помнил о том, что он и сам раб или только недавно вышел из их среды; часто он бывал со своими подчиненными более суров и крут, чем сам хозяин. Недаром и Варрон и Колумелла настоятельно требуют от вилки, чтобы он не был жесток³¹. Вилки мог не особенно прислушиваться к этим требованиям: за его спиной, тут же, недалеко, стоял хозяин или прокуратор, которые, конечно, стали бы на его сторону и защитили его от возмущившегося раба; рядом с усадьбой находилась другая, где он в случае нужды мог искать помощи и убежища; наконец, у вилки было такое средство принуждения, как карцер, и всегда, как правило, были люди, готовые выполнить его приказы.

«Начальник стад» находился в ином положении: один среди буйной ватаги дюжих парней, он мог распоряжаться ими только в том случае, если являлся для них непререкаемым авторитетом. Для этого нужно было обладать многими качествами, приобретенными и природными; среди них личное обаяние занимало не последнее место. Он должен был обладать недюжинными хозяйственными и организаторскими способностями: на его обязанности лежало обеспечить свой отряд всем, что потребуется в пути и во время длительного пребывания на становище; разбить как следует большое стадо на меньшие части и правильно расставить пастухов, сообразуясь с их силами, знакомством с животными и любовью к ним. Ему надлежало сообразить, на каких участках пастбища сосредоточить скот и куда

²³ V.r.r. II. 10.6.

²⁴ V.r.r. I. 2. 17.

²⁵ V.r.r. II. 10.

²⁶ V.r.r. II. 4. 20; Pol. XII. 4.5.

²⁷ Hieronym. Vita b. Malchi.

³¹ V.r.r. 17.5; Col. I.8.10.

его затем перегонять с таким расчетом, чтобы не оказалось участков, где трава была бы совершенно изглодана и вытоптана. На «начальнике стад» лежала вся отчетность о стаде; он же улаживал ссоры между своими и соседними пастухами (в пастушеской среде были склонны споры разрешать врукопашную)³². Он входил в сношения со сборщиками податей и старшими пастухами соседних стад, владельцами соседних земель или их представителями; житейский такт и некоторая дипломатическая изворотливость были для него обязательны. И, наконец, забота о стаде и надзор за ним являлись главной сферой его деятельности; пастухи были только его помощниками. «Начальник стад» был, говоря нашим языком, ученым животноводом, который руководил и воспитанием молодняка, и подбором жермов, и выведением новых пород. Италия славилась рогатым скотом и овцами; мы можем смело утверждать, что породы их были созданы вековой работой «начальников стад», действовавших путем умелого подбора производителей и скрещивания пород. Здоровье пастухов и всего стада находилось также под охраной старшего пастуха; он должен был обладать элементарными хирургическими сведениями: умело перевязать рану, наложить лубок при переломе, вылечить от

простуды или лихорадки. Большое животное поступало на его попечение; смело можно думать, что знания, которыми «начальник стад» обладал по ветеринарии, далеко превосходили содержание затрепанного скотолечебника, составленного по Магону³³; круглый год находясь на итальянских пастбищах, старший пастух, естественно, должен был познакомиться с местными целебными травами и средствами. От его распорядительности, заботливости и внимания зависело многое в жизни порученных ему людей и животных³⁴.

Кто были эти люди? Мы не знаем по имени ни одного «начальника стад». Не знаем мы и ни одного из рядовых многочисленной армии рабов-пастухов. Заслуженные внушительными фигурами своих хозяев, они ушли из жизни, незаметные и незамеченные. До сих пор остались некоторые из выведенных ими пород скота; долго сохранялись (может быть, уцелели и доныне) их лекарства и лечебные средства; некоторое время жила добрая память в тесном кругу людей, их знавших. Римские историки и поэты молчат о них, молчат и древние надписи и современные исследования. Необходимо исправить эту многовековую несправедливость и заняться историей этой большой группы рабов.

³³ V. г. г. II. 1. 23; 2. 20; 5. 18.

³⁴ Для характеристики «начальника стад»: V. г. г. II. 10 и Col. 1. 9.2 (очень важное место).

³² Плутарх называет пастухов «драчунами», Class 9; ср. Cic. pro. Cluent. 161.